

РАЯ РОК

РОМАНТИЧЕСКАЯ ЭРОТИКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВЗАПЕРТИ

00

18+

СВОДНЫМ

Рая Рок

Взаперти со сводным

«Автор»

2026

Рок Р.

Взаперти со сводным / Р. Рок — «Автор», 2026

Моя мама выходит замуж, а я получаю в довесок сводного брата. Матвей — наглый мажор, которого я на дух не переношу. Он, конечно же, отвечает мне взаимностью. Но прямо посреди свадьбы кто-то случайно запирает нас в крошечной подсобке. Вдвоём. Воздух моментально накаляется. Мы привычно начинаем ссориться, но внезапно вся эта злость превращается в невыносимое влечение. Мы ненавидим друг друга, и нам предстоит жить в одном доме. Но как мне теперь с этим справляться, если прямо сейчас Матвей прижимает меня к стене, а я совсем не хочу, чтобы он останавливался?

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	13
Глава 4.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рая Рок

Взаперти со сводным

Глава 1.

— Сонечка, цветы пришли? А карточки с именами точно на месте? — хватает мама меня за руки, в её глазах настоящий смерч из волнения и счастья.

— Мама, — улыбаюсь своей красивой родительнице как можно более расслабленно, хотя у самой внутри что-то очень похожее на апокалипсис. Глажу её по рукам в шёлковых белых перчатках. — Ты невеста, и должна наслаждаться этим днём, а не паниковать из-за каких-то мелочей. Я уверена, Елена справится со своей работой на все тысячу процентов. У неё целая команда. И я им, конечно, помогу, если нужно. Тебе не о чем волноваться.

Мама выдыхает, и я с восхищением провожу пальцами по кружевам на её волшебном свадебном платье. Дмитрий Сергеевич не пожалел денег и устроил по-настоящему роскошную свадьбу, хотя для них обоих жениться было не впервой.

Наверное потому, что отчим знал: у моей мамы была непростая жизнь, и такая свадьба, платье, все эти множественные нежные цветочные композиции могли ей только сниться с её прошлым мужем, моим отцом. И ему хотелось осчастливить ту, кого он любит. А в том, что отчим любит мою маму, сомнений нет.

Подвожу маму к зеркалу в пол.

— Просто забудь обо всём. Ты только посмотри, какая ты у меня красивая! — пишу, сжимая её со спины.

И мама, наконец, более расслабленно смеётся. Гладит меня по руке на своём животе.

— Ты только представь, Сонь... в 42 я выхожу замуж. За принца.

— Мам, ну какой из него принц? Да Дмитрий Сергеевич – царь, не меньше!

— Соня, ну мы же договаривались, что никаких отчеств. Диме не нравится, что ты к нему так официально.

Отпускаю её и жму плечами неловко.

— Прости, постоянно забываю. Никак не могу привыкнуть называть этого серьёзного мужчину дядей Димой.

— Хотя бы просто – Дмитрий. Скоро мы станет одной семьёй, дочка, — улыбка с её лица сползает, и она обеспокоенно смотрит в мои глаза, обернувшись. — Будем жить в одном доме, вместе завтракать, ужинать, проводить свободное время... Поэтому, может, ты попробуешь подружиться с Матвеем? Меня беспокоит, что вы по-прежнему не нашли общий язык.

Внутри меня мгновенно загорается протест от упоминания этого гада, но для мамы я улыбаюсь.

— Хорошо, я постараюсь найти с ним общий язык. Хоть и не понимаю, чем я ему так не угодила. Но я очень постараюсь, мам. Мы с Матвеем станем самыми дружными сводными братом и сестрой, вот увидишь!

Чего только не пообещаешь маме, чтобы она не расстраивалась, особенно в такой день. Знала бы она истинное положение дел...

Дмитрий Сергеевич арендовал целый старинный отреставрированный особняк для торжества, и сейчас этот вековой дворец гудит от предсвадебной суеты.

Музыка и голоса гремят отрывками из главного зала – проверяется аппаратура. По коридорам носится персонал. С посудой, цветами, стульями. Елена, свадебный организатор, всем этим успешно руководит, как дирижёр, только вместо палочки у неё рация, по которой она раздаёт команды.

Некоторые гости прибывают. И сам Дмитрий Сергеевич общается в саду с какими-то деловыми мужчинами.

Я всё-таки проверяю цветы. Пришли и уже даже все стоят на своих местах. Как и карточки на круглых столах с белыми скатертями. За это мама переживает больше всего, ведь некоторые наши родственники не ладят и лучше бы их рассадить на расстоянии не меньше десяти метров друг от друга.

Маме не о чем беспокоиться, её свадьба будет идеальной. А вот я...

Я разворачиваюсь и едва не врезаюсь в причину моего главного кошмара.

Матвей.

Он стоит, прислонившись плечом к декоративной цветочной арке, и лениво скользит по мне взглядом, от которого по коже мгновенно бежит противный холодок. Даже в этой белой рубашке с синим галстуком и тёмно-синих брюках он выглядит не как джентльмен, а как хищник, которого почему-то пустили в приличное общество.

На голову выше меня, с дьявольски идеальной фигурой футболиста. Широкие плечи, узкие бёдра, длинные стройные ноги, руки, которые даже под плотной тканью пиджака кажутся скульптурно каменными. Его тёмно-русые волосы в привычном беспорядке, словно он только что выбрался из постели, а эти его глаза... Холодные, льдистые и наглые, как будто весь мир принадлежит ему. И я – тоже.

Каждая вторая в нашем универе готова душу дьяволу продать, лишь бы он посмотрел на них так, как сейчас смотрит на меня. Целенаправленно, оказывая исключительное внимание.

Но я-то знаю, что за этой роскошной обёрткой популярного студента-футболиста скрывается редкостная сволочь. Мы ненавидим друг друга с первой секунды знакомства.

Для него я являюсь скучной заучкой и бедной родственницей, упавшей на голову на их семью. А для меня он самовлюблённый эгоист, привыкший получать всё по щелчку пальцев. Он учится на четвёртом курсе, когда я на втором.

И этот гад не упускает ни единой возможности докопаться до меня в моменты встреч. Как только родители объявили о своих отношениях полгода назад, он обзавёлся целью: убить всю мою выдержку и дружелюбие. Потому что с ним я, порой, веду себя даже неадекватно. Никогда и ни с кем мне не приходилось ощущать такую ядовитую злость. Его сальные обидные шуточки, двусмысленные намёки и постоянное наглое вторжение в моё личное пространство доводят меня до белого каления, хоть и пытаюсь каждый раз держать себя в руках.

И теперь этот невыносимый тип будет жить со мной под одной крышей. Завтракать за одним столом. Мелькать перед глазами каждый божий день. Считаться моим сводным братом. С которым я должна найти... общий язык.

Я безумно счастлива за маму, правда. Но сейчас, глядя на ухмыляющегося Матвея, я чувствую только тошнотворную тоску. Мои собственные розовые очки разбились стёклами внутри совсем недавно. Мой первый парень, моя первая, как мне наивно казалось, любовь до гроба... банально изменил мне. Скинул с небес на землю так жёстко, что до сих пор дышать больно. Я больше не верю в сказки, и уж точно не верю таким красивым и насквозь испорченным парням, как мой будущий братец.

— К Золушке наконец прилетела фея с безлимитной кредиткой, но она продолжает строить из себя неприступную мученицу? — его низкий хриплый голос бьёт по моим натянутым нервам.

Матвей демонстративно оглядывает меня с головы до ног. Моё розовое нарядное платье, туфли на небольшом каблучке, причёску в виде локонов, собранных у висков кверху. Делает шаг ко мне. И в воздухе тут же разливается терпкий, удушающий мужской аромат его дорогого парфюма.

— А ты опять забыл снять корону, чтобы она не передавливала остатки твоего мозга? — огрызаюсь я, скинув с себя растерянность. — Шёл бы ты к гостям, Матвей. Там полно свободных ушей для твоего плоского юмора.

Он усмехается, обнажая ровные белые зубы.

— Какая же ты колючая. Прямо дикобраз в вечернем платье. Смотри, как бы твой наряд не треснул от напряжения.

Его взгляд откровенно падает на моё декольте, задерживаясь там куда дольше приличного. Щёки у меня обжигает гневом.

— Мой наряд – не твоя проблема, — шиплю я. — Хотя бы сегодня, избавь меня от своего общества, будь добр. Самовлюблённый кретин.

Лицо Матвея мгновенно каменеет. Лыдистые глаза темнеют, челюсти сжимаются так, что на скулах играют желваки. Знаю. Он не выносит, когда с ним так разговаривают. Да и я не привыкла таким тоном общаться с кем-либо. Но он всегда меня вынуждает.

Круто развернувшись, я быстро ухожу, кожей чувствуя его тяжёлый взгляд, прожигающий спину. Больше ни секунды не потрачу на эту сволочь в такой важный день.

Свадебная карусель закручивается с новой силой.

Я только-только успеваю выдохнуть и взять с подноса официанта бокал шампанского, как на меня буквально налетает Елена. Наш организатор сейчас выглядит так, будто у неё горит проект всей её жизни.

— Сонечка, катастрофа! — она в панике хватается меня за локоть. — Свечи! Те самые, для церемонии передачи семейного очага! Грузчики по ошибке засунули их в коробку с упаковочной плёнкой и утащили в одну из подсобок вместе с пустой тарой. Церемония через пять минут, я бегу встречать регистратора. Умоляю, найди их, мои ребята все заняты!

— Поняла, сделаю! — киваю я, ни секунду не раздумывая, и бегу выполнить просьбу женщины.

Мамина свадьба должна быть идеальной, я всё для этого сделаю.

Ныряю в коридор, ведущий к кухне, заглядываю сначала в одну подсобку, потом ещё в какую-то комнату. И на третьей попытке найти нужную коробку происходит это...

Я открываю тяжёлую дверь и шагаю в полумрак тесного помещения. Здесь пахнет пылью и моющими средствами. Включаю тусклую одинокую лампочку и начинаю рыться в вещах на полке. Так, это не то. И это не та коробка...

Как вдруг за спиной раздаются тихие шаги.

Резко оборачиваюсь и вижу перед собой Матвея. Его поза хищная, напряжённая и одновременно расслабленная. И это уже меня напрягает до предела. Зачем он пошёл за мной?

Он заходит, прикрывает за собой дверь, но не захлопывает её до конца. В тесном пространстве подсобки его присутствие ощущается удушающе. Буквально он занимает слишком много места своими габаритами.

— Решила спрятаться, Золушка? — тянет он, делая ко мне шаг. В голосе звенят откровенно издевательские нотки. — Знаешь, я подумал, что твоя кислая мина испортит моему отцу все свадебные фотки. А мы ведь этого не хотим?

— Что ты несёшь? Выйди отсюда, — чеканю я, до хруста в пальцах сжимая свою сумочку.

— А то что? — он склоняет голову набок, криво ухмыляясь. — Пожалуйешься мамочке? Я-то выйду. А вот тебя думаю запереть здесь на пару часиков. Исключительно для всеобщего блага.

— Что?! Ты о чём... — меня против воли затопляет паникой. Потому что я знаю, он точно может что-то такое сделать.

Он делает шаг назад, берётся за ручку двери, собираясь выйти и захлопнуть её с той стороны. Но вдруг...

Бам!

Дверь с силой захлопывается сама. Кто-то снаружи толкает её так резко, что Матвей отшатывается. И в ту же секунду в замочной скважине с оглушительным лязгом проворачивается ключ.

Дважды.

Мы вздрагиваем одновременно. Матвей дёргает ручку на себя. Ещё раз. Сдавленно ругается сквозь зубы и с силой бьёт плечом в массивную дверь.

— Эй! Какого хрена?!

И ещё раз.

Закрывается. И никакой реакции снаружи.

Свет тусклой лампочки мигает. Воздуха в крошечной камере вдруг становится катастрофически мало. Мы заперты. Вдвоём. И судя по нарастающему грохоту музыки из банкетного зала, просачивающемуся через старую вентиляцию, наши крики никто не услышит.

Матвей:

Глава 2.

Тишина в подсобке кажется оглушительной, даже несмотря на то, что сюда пробиваются глухие басы из банкетного зала.

Секунда. Вторая. Третья.

Мы стоим и сверлим друг друга взглядами. Во мне всё больше поднимается злость и паника. В ледяных глазах Матвея тяжесть, словно он готов прямо сейчас кинуться на меня и придушить.

Воздух между нами можно резать ножом, настолько он сгустился от взаимной неприязни.

— Браво, — выдыхаю я, скрестив руки на груди, чтобы унять эту предательскую дрожь. — Твоих рук дело? Твои дружки? Это не смешно. Матвей, скажи им, чтобы открыли. Церемония уже начинается.

Парень издаёт короткий, сухой смешок, прислоняясь широкой спиной к запертой двери. В полумраке тусклой лампочки его глаза мерцают холодным льдом.

— Слишком много чести, Золушка. Если бы я хотел уединиться с девушкой, я бы выбрал место поудобнее. И, поверь, это точно была бы не ты. От тебя же за километр несёт праведностью и скукой.

— Конечно, — ядовито улыбаюсь ему. Злость выжигает страх, заставляя кровь кипеть. — Ты бы выбрал пятизвёздочный отель и очередную силиконовую куклу с факультета журналистики. Как её звали на прошлой неделе? Кристина? Карина? Вы же с ними даже не разговариваете, вам достаточно лаконично смотреться в твоём «Порше». Больше тебя ничего не волнует, кроме красивой обёртки.

Матвей лениво склоняет голову набок. На его скулах играют желваки, но губы кривятся в издевательской ухмылке.

— Следишь за мной, сестрёнка? Ревнуешь? Осторожнее, а то ведь могу как-то неправильно тебя понять. Знаешь, я хотя бы не строю из себя святошу, которая зубрит конспекты до посинения, лишь бы доказать всем вокруг, что достойна учиться в этом универе. Расслабься, бюджетное место ты уже отработала. Да и мой папочка тебя подстрахует если что.

От обиды у меня перехватывает дыхание.

— Я учусь сама, — чеканю я, сжимая кулаки так, что ногти впиваются в ладони. — И всего добиваюсь сама. В отличие от тебя, Матвей. Если бы не Дмитрий Сергеевич, тебя бы уже давно вышвырнули из универа за твои прогулы и наплевательское отношение к учёбе. Ты же палец о палец в своей жизни не ударил. Дмитрий Сергеевич купил тебе место под солнцем, а ты только и умеешь, что прожигать его деньги.

Взгляд Матвея опасно сверкает, брови низко опускаются на веки.

— Нихрена ты не знаешь обо мне, детка. Но я не буду отрицать, что кайфую и беру от жизни всё, что хочу, — он вдруг делает шаг навстречу. Плавный. И моё тело напрягается до боли в спине. — А ты существуешь. Выучить конспекты, получить пятёрку, приберечь себя для большой и чистой любви со своим ненаглядным... Ой, подожди, — улыбается он улыбкой дьявола, и в его голубых глазах вспыхивает злая насмешка. — Этот задрот же оказался не таким ценителем монашек, да? Вы же там, наверное, до гробовой доски клялись друг другу в верности, держась за ручки. До свадьбы ни-ни. Только вот, оказалось, даже твой лошок предпочёл ту, которая не строит из себя святую, а просто раздвигает ноги.

Удар под дых. Воздух со свистом вылетает из моих лёгких.

Я отдала Паше свою девственность. Отдала. И даже несмотря на то, что не испытала в тот момент и капли приятных ощущений, я переступила через себя, ради него. Сказала, что мне понравилось. Но он этого не оценил, а просто предал меня. Матвей попал в точку. Я до сих

пор ишу проблему в себе. Может, я недостаточно красивая? Сексуальная? Я не та девушка, с которой может нравиться парню заниматься сексом?

И я никогда не ругаюсь. Я приличная, воспитанная девушка, которая умеет держать лицо в любой ситуации. И сейчас, глядя в эти наглые, безжалостные глаза, я чувствую, как внутри меня ломаются какие-то предохранители. Этот парень одним своим присутствием будит во мне что-то дикое. Незнакомую мне самой ярость. И ещё что-то... горячее, колющее, от чего по венам растекается пугающий адреналин.

— Какой же ты мерзкий, — выдыхаю я. Голос дрожит, но не от слёз, а от клокочущей злости. — Ты всё измеряешь грязью, потому что сам в ней по уши. Ты пустой, Матвей. Красивый фасад, дорогая одежда, а внутри — абсолютный ноль. Ни цели, ни глубоких чувств. Только животные инстинкты.

Матвей больше не улыбается. Его взгляд темнеет, превращаясь в две чёрных дыры.

— Инстинкты, говоришь? — хрипло переспрашивает он и надвигается на меня.

Я начинаю пятиться, пока не впечатываюсь лопатками в холодный металлический стеллаж. Матвей тут же ставит руки по обе стороны от моей головы, отрезая мне все пути к отступлению.

— Что ты делаешь?..

Господи... Он слишком близко. Непозволительно, незаконно близко.

Его массивное тело источает жар, который невидимыми волнами бьёт по моим оголённым нервам. Я вдруг слишком сильно чувствую запах его кожи. Терпкий, травянистый и какой-то дурманяще мужского. От этого запаха внизу живота вдруг тяжелеет. Или это от паники.

Мой взгляд лихорадочно падает на его шею, на расстёгнутую верхнюю пуговицу белой рубашки, где мерно бьётся жилка.

Он идеален физически, и это раздражает меня ещё сильнее. Потому что за эту внешность в том числе ему многое и прощается в обществе. Его широкая грудь вздымается в каких-то жалких миллиметрах от моей. Кажется, если я вдохну чуть глубже, то коснусь его.

— Думаешь, лучше меня со своей правильностью? — его хриплый шёпот обжигает мне мочку уха, заставляя позорно вздрогнуть. — Ты просто трусиха. Со-ня. Зажатая, перепуганная малышка, которая до одури боится сделать шаг вправо или влево. А что будет, если сделаешь?

— Отойди... не трогай меня, — быстро шепчу, но это не кажется требовательным. Скорее, выглядит как слабость, из-за которой хочется разреветься.

— А я разве трогаю? — отнимает он руки от стеллажа и поднимает вверх ладони. Неприлично его глаза серьёзные, даже мрачные. Сверкают в полумраке. — Вот видишь, я ещё ничего не сделал. А ты уже вся трясешься. Но даже если... — он резко возвращает ладони на полку по сторонам от меня и склоняется, приближается ко мне лицом вплотную, его жаркое дыхание ударяет по моим губам. — Я трону тебя. Что будет тогда, м? Мир перевернётся? Никогда не отмоешься от моей грязи? Что будет, Соня?

Его взгляд медленно скользит по моему лицу, спускается к шее, задерживается на ложбинке груди, которую едва открывает вырез шёлкового платья. И там, где скользят его глаза, кожа моментально вспыхивает огнём. По спине бежит тяжёлая, горячая волна мурашек. Нервные окончания стягиваются в тугие узелки, в горле пересыхает, и я молюсь всем богам, чтобы он не понял, какое волнение сейчас испытываю. Я в ужасе от реакции собственного тела. Этого не может быть. Это же Матвей! Я не могу вестись на всё то, на что ведутся другие девушки. Я — не они.

Но он не замечает этого. Вроде бы. И я собираю остатки самообладания, чтобы сипло сказать:

— Именно так. Мой мир перевернётся. И я никогда не отмоюсь. С таким, как ты... я никогда...

Резко втягиваю воздух носом, когда ладонью он вдруг сжимает мою талию и тихо рычит, вдавливаясь в мой лоб своим. Как будто в нём правда сидит животное и сейчас оно в бешенстве.

Судорожно упираюсь в его плечо ладонью и задерживаю дыхание. Мы заперты здесь. И если я ударю его или попытаюсь ещё как-то спровоцировать, неизвестно, что он может выкинуть. От него я могу ожидать чего угодно. Я должна попытаться сгладить атмосферу, попросить его по-хорошему отстать, потому что... потому что...

Моя мысль обрывается и тело парализует, когда он тяжело выдыхает и жадно обхватывает мою верхнюю губу своими.

Медленно проводит кончиком языка по моей нижней, выбивая из лёгких последние крохи кислорода. Это так ошеломительно, что у меня моментально подкашиваются колени. Я теряюсь. Мои правильные, логичные мысли вязнут в этом пульсирующем мареве. Я пытаюсь сделать вдох, мои губы приоткрываются, и это как будто становится пропуском для Матвея.

Он тут же целует меня глубже, вжимаясь в моё тело своим твёрдым. Как же душно. И воздуха совсем нет. Я вцепляюсь обеими руками в его рубашку и тяну за неё почти до треска ткани, пока моё лицо буквально горит, а рот наполняется Его вкусом.

Матвей в отличие от меня может дышать, и его дыхание становится враз до невыносимости хриплым и каким-то жадным, жутко тяжёлым. Я пытаюсь закрыть рот, сомкнуть губы. Но просто не могу. Ничего не могу сделать, как будто нахожусь даже не в своём теле сейчас. Только мну и мну ткань рубашки. Он толкается в меня языком, проводит им по нёбу, хватается губы губами, а потом зубами, и тянет ими, жадно, но так, что это кажется пределом нежности.

Наконец я затягиваюсь воздухом через нос, сердце, кажется, сейчас прорвётся через рёбра и кожу наружу. Матвей обхватывает мою скулу ладонью, давит пальцами, а вторая его рука резко соскальзывает на моё бедро.

И это звучит как хлопок в моей голове.

Осознание бьёт по мозгам хлестко, безжалостно.

Я резко упираюсь дрожащими ладонями в его твёрдую как камень грудь и изо всех сил толкаю от себя.

— Хватит!..

Моё дыхание слышится как хриплый свист, и грудь сдавливает от резкого заполнения лёгких кислородом.

Отшатываюсь в сторону, едва не запнувшись о швабру. Я порывисто вытираю губы тыльной стороной ладони, словно пытаюсь стереть этот ужас и свой ступор, пока виски разрывает от шока.

— Зачем ты поцеловал меня?!

Матвей отступает на полшага. Его дыхание тоже сбито. Если это вообще можно так описать. Он словно после долгого бега на всей скорости. Во взгляде ни капли раскаяния, только тёмный, голодный, откровенный блеск.

Он медленно, не сводя с меня потемневших глаз, проводит большим пальцем по своим влажным губам и усмехается. Усмешка выходит хищной и пугающей.

— Какая долгая реакция для монашки. Уверена, что не хотела этого? — хрипло произносит он, и от звука его сорванного голоса по моей коже снова прокатывается колючая дрожь. — А ведь у нас впереди, Золушка, ещё как минимум час. И, судя по всему, он будет очень... занимательным.

Он не отрывает от меня взгляда исподлобья, пока его длинные пальцы неспешно тянутся к узлу галстука и начинают медленно его стягивать.

Глава 3.

Матвей продолжает.

Его движения хищные, уверенные и пугающе неторопливые. Галстук летит куда-то в пыльный угол подсобки, и руки Матвея сразу же переходят к рубашке.

Расстёгивает первую пуговицу на ней. Вторую. Третью. Загорелый торс контрастирует с белизной ткани. Я вижу всё больше его кожи. Как высоко поднимается его грудь от тяжёлого дыхания.

И моё сердце срывается на бешеный галоп, пробивая рёбра. Я вжимаюсь лопатками в холодный стеллаж, чувствуя, как паника ледяными тисками сдавливает горло.

Что он делает? Он только что зачем-то поцеловал меня, а сейчас... делает это. Он хочет... хочет?..

— Матвей?.. — я выдыхаю его имя дрожащим голосом.

На моём лице с точностью отображается весь ужас, замешательство. И он это отлично видит.

Его руки вдруг опускаются на середине пути, а на губах расцветает знакомая, издевательская усмешка.

— Выдыхай, Золушка. Никто на твою девичью честь не покушается, — хмыкает он, проводя ладонью по своим растрёпанным, у лба влажным волосам. — Здесь просто грёбанная баня. Или ты в своей целомудренной головке уже нафантазировала, как я срываю с тебя это милое платице?

Его взгляд насмешливо проносится по вещи на мне, которое уже начинает липнуть от жара к коже, и мои щёки обжигает стыдом. Ведь именно это я и подумала.

— Иди к чёрту! Ты... ты отвратителен!

— Я стараюсь, — подмигивает он мне, после чего отходит к двери.

Только в этот момент я могу более или менее нормально вдохнуть воздух.

А потом вспоминаю.

— Телефон! Мы же можем позвонить!

Лихорадочно дёргаю застёжку своей сумочки на длинном ремешке, роюсь внутри. Но телефона...

— Нет, — стону я, поднимая на братца взгляд. — Я оставила его на нашем столе. Матвей, а у тебя? У тебя же должен быть телефон.

Он медленно качает головой с улыбкой.

— Увы и ах. Я не собирался тут задерживаться. Моя труба тоже сейчас где-то там, среди банкетных столов и гостей. Мы здесь одни и без связи, Золушка. Крепись.

Это осознание врежется в меня окончательно. Нам придётся ждать освобождения неизвестно сколько. И час, который пророчил Матвей, — может быть не самым долгим временем ожидания. Наедине с ним...

То самое время начинает тянуться мучительно долго. Воздух в крошечном помещении нагревается с каждой минутой, становится спёртым, душным. Невыносимым. Я всё ещё горю от того поцелуя, который всё перевернул во мне. Да как он посмел вообще? Что всё это значило?!

Поглядываю на него с долей злости и опаски. Для него такие вещи наверняка потеряли ценность, а вот я с кем попало не привыкла целоваться. Мои губы — мой храм. Как и всё остальное тело. И я сама посвящаю его тому, кого выбираю. А он просто взял силой этот поцелуй. Против моей воли. Сволочь.

Проходит, наверное, минут пятнадцать. Спина и ноги гудят от напряжения и неудобных туфель. Матвей, которому надоедает подпирать собой дверь, с тихим вздохом сползает вниз и садится прямо на пол, вытянув длинные ноги.

В этот момент из старой вентиляционной решётки в стене начинает пробиваться приглушённая, но очень красивая живая инструментальная музыка. А следом усиленный микрофоном голос регистратора.

Церемония. Она всё-таки началась. Без нас.

Сквозь басы доносятся голоса.

Сначала говорит Дмитрий Сергеевич. Уверенно, с теплотой. А потом раздаётся голос моей мамы. Она произносит клятву, и её голос дрожит от слёз. Я прикрываю глаза, и у меня самой щиплет в носу от нахлынувших эмоций. Как же здорово, что она теперь не одна. Что её любят.

Приоткрываю глаза и невольно перевожу взгляд на Матвея. Он сидит, опираясь предплечьями о колени, и смотрит куда-то в пустоту. Вся его наглость, всё самодовольство сейчас куда-то испарились.

В полумраке его профиль кажется серьёзным, даже каким-то задумчивым. Он тоже слушает клятвы наших родителей, и в его льдистых глазах отражается что-то такое, чего я раньше точно никогда в нём не замечала.

Когда раздаётся радостный голос ведущего, объявляющего маму и отчима мужем и женой, я тоже сдаюсь. Сил стоять больше нет. Аккуратно опускаюсь на пол у противоположной стены со стеллажами, стараясь натянуть подол платья пониже на щиколотки.

Пить хочется... И почему мы застряли именно тут, а не на кухонном складе, например? В горле пересохло так, что язык прилипает к нёбу. Я скольжу взглядом по нижним полкам стеллажа и вдруг замечаю большую, прозрачную пятилитровую бутылку.

Вода!

Я подрываюсь с места, едва не запутавшись в собственных ногах, вытаскиваю её на свет и дрожащими руками скручиваю крышку. Уже подношу широкое горлышко к губам, как вдруг сильные пальцы перехватывают моё запястье.

Матвей буквально вырывает у меня бутылку, неизвестно как молниеносно оказавшись возле меня

— Эй! — возмущаюсь я, вскидывая взгляд.

— Тащить в рот всё, что ни попадя — плохая привычка. Не всё может оказаться таким сладким, как наш поцелуй, детка, — смотрит на меня насмешливо, заставляя меня вспыхнуть.

Кретин.

С неверием наблюдаю за тем, как он подносит пластиковое горлышко к своему лицу, принюхивается, а затем делает осторожный, крошечный глоток. Замирает, прислушиваясь к ощущениям.

И только через несколько секунд протягивает бутылку мне.

— Держи. Это всего лишь вода, а я надеялся на что-то большего градуса.

Я застываю с протянутыми руками, понимая, что он только что сделал.

Он ведь только что проверил воду. Чтобы я не отравилась какой-нибудь дрянью. Мой ненавистный сводный брат проявил заботу?

От неожиданности все мои колючки вдруг осыпаются. Может, он всё-таки не такой плохой, каким упорно хочет казаться? Ведь после того поцелуя он не стал лезть дальше, не продолжил издеваться.

Боже, как мало мне нужно, чтобы моё мнение перевернулось в воздухе.

Я делаю несколько жадных глотков, даже не задумываясь о том, что всего несколько секунд назад этого места касались его губы. Вытираю губы тыльной стороной ладони, испы-

тивая настоящее блаженство, и киваю Матвею, благодарно. Он хмыкает и отходит обратно к двери.

Проходит ещё минут десять. Мы снова сидим на полу. Здесь хотя бы не так жарко, от паркета идёт прохлада.

Сижу и не могу перестать кидать украдкой взгляды на Матвея. Мама попросила меня... а может, стоит попытаться? Может, получится?

И я, наконец, выдавливаю из себя тихо, не без усилий:

— Раз уж мы всё равно здесь запреты... Матвей, может, скажешь, чем я тебе так не угодила? Почему ты такой... грубый?

Он поднимает на меня тяжёлый взгляд исподлобья. Но молчит. И я решаю задать что-то наводящее.

— Это из-за твоей мамы, да? — продолжаю я, чувствуя, как сильно бьётся сердце. — Из-за того, что она умерла, и ты не хочешь, чтобы моя мама занимала ей место? Ты не хочешь принимать в вашу семью кого-то вроде нас?

Матвей кривится, словно от зубной боли.

— Оставь мою мать в покое. Дело вообще не в ней, — глухо отзывается он. Откидывает голову на стену и закрывает глаза. — Дело в тебе, Золушка. Ты сама вынуждаешь меня включать мудака, — хмыкает. — С самого первого дня. А так, я вообще лапочка. Спроси кого угодно. Ни одна не в обиде. Ну, только если совсем чуть-чуть.

— Я?! — искренне поражаюсь. — Чем это я тебя вынуждаю?!

Он только снова хмыкает, не открывая глаз, явно не собираясь вдаваться в подробности. Мучительно гадать, что я такого сделала ему. От несогласия я даже подскакиваю на ноги.

Но быстро беру себя в руки. Сейчас я на грани того, чтобы снова разругаться. Потому что это именно он начал эту нашу войну. Я же с самого первого дня старалась вести себя дружелюбно.

Но не это сейчас важно. Важна моя мама и наше дальнейшее спокойное сосуществование.

Дыхание учащается от низкого старта, и Матвей наконец открывает глаза. Как-то очень внимательно рассматривает моё лицо. В ожидании.

— Боже, я устала с тобой воевать, Матвей, — тяжело выдыхаю, мой голос звучит сипло в этой душной тишине. — Правда. В последнее время мне и так не очень хорошо. Из-за Паши, из-за того, как он со мной поступил. Возможно, из-за него я на время возненавидела всех представителей мужского пола, и с тобой была моментами слишком груба. Прости за это. Я очень уважаю твоего отца. Он делает мою маму счастливой, а для меня это самое важное в жизни. Потому что мой родной отец... он был плохим человеком.

Я замолкаю, чувствуя, как мелко дрожит всё моё тело. Матвей продолжает просто смотреть на меня. Прямо, не мигая. Его взгляд кажется в этот момент ещё темнее. И вот опять. Я же стараюсь.

— Матвей... — нервно сглатываю, сжимая кулаки. — Мы можем... можем хотя бы попытаться стать друзьями? Ради наших родителей?

Тишина в подсобке становится звенящей. Он смотрит на меня ещё несколько долгих секунд, а потом его челюсти сжимаются.

— Нет.

Его ответ заставляет меня задохнуться. Да я же... со всей душой. Переступила через себя, свою гордость. Открыла перед ним душу. А он просто плюнул в неё, получается?

Я не успеваю всё это как следует обдумать, потому что Матвей вдруг поднимается на ноги. И делает первый шаг. А затем второй медленный. Мой мозг мгновенно отключается, покрывается испугом, чем-то ещё.

Ещё один шаг, и он так близко, что я совсем не могу дышать. Только успеваю пискнуть что-то, как он впечатывается в мой рот и впечатывает меня грудью в свой торс.

Только дёрнуться успеваю, руки тут же оказываются в захвате, и он заводит их за мою спину. Пальцами второй руки обхватывает мои щёки, кидает один затуманенный взгляд на моё лицо, хриплый вдох...

— Друзьями мы точно не будем...

И снова врезается в мои губы.

Это не тот скомканный поцелуй, которым он целовал меня в первый раз. А то, что даже можно назвать насилием по отношению к моим губам. Давит пальцами на мои скулы, вынуждая меня открыть рот шире. Проникает в меня языком, кусает, всасывает, оттягивает.

Пока я постепенно, движение за движением, словно проваливаюсь под землю. Руки немеют, ноги слабнут, дыхание на грани смерти.

И я цепляюсь за физические ощущения как за спасительную веточку. И пальцами скребу его запястье за своей спиной. Мычу и начинаю двигать ртом в ответ. Нет, не целовать его. А попытаться вытолкнуть его язык своим, укусить сильнее. Чтобы отпустил. Дал мне хоть секунду на осознание. Пожалуйста.

Но мне всё хуже и хуже. Так я могу назвать то, что я теряю цель. С каждой секундой. Теряю нить расплывчатой мысли. Чего я хотела? Почему я здесь? Почему мои ноги стали такими тяжёлыми? Почему так горит в животе? В груди. В горле. И его губы мне кажутся всё более вкусными, я хочу их съесть. Или выпить.

Хриплый выдох Матвея бьёт по мне током. А потом ещё раз. Уже от того, что я чувствую своим животом. Он прижимается ко мне слишком сильно, и слишком отчётливо я ощущаю то, от чего сгорела бы заживо в другой ситуации. Но сейчас вспыхнуть нечему, я и так вся в аду.

Скулы сводит и губы дерёт, когда Матвей отпускает мои руки и вцепляется в мою талию, сжимает через шёлковую ткань. Наклоняет голову вбок и снова входит языком, глубоко. Мои пальцы бессильно скользят по его плечам вверх и вниз, поднимаются на шею, ногтями оставляют на его смуглой коже красные следы.

Такого никогда со мной не было, и я просто не знаю, как справиться. До такой степени, что я – это не я. А кто-то другой. А я, настоящая я, где-то глубоко внутри, бьётся в истерике и не хочет всего этого. На самом деле она не хочет отвечать и трогать, не хочет Его.

Это не я.

Это ощущение и даёт мне целоваться так, как никогда. И со стоном дать ему опуститься на мою шею, кусать её, больно целовать. Опускать бретельки моего платья, медленно, но неумолимо. Вниз.

Моя кожа влажная от жара, его – тоже. Это я могу ощутить, когда он снимает через голову свою рубашку и, схватив мои руки, кладёт их на свои кубики пресса. Я не сопротивляюсь. Его живот горячий, просто обжигающий, влажный и твёрдый. Он дрожит, от каждого моего прикосновения дёргается.

Его ладонь опускается ниже, сминает подол платья и задирает его. Его горячая большая ладонь на моей ноге, бедре, всё выше. Я сжимаю ноги между собой, потому что эта тяжесть и пульсация тоже становятся невыносимыми.

И вдруг...

Дверная ручка с лязгом дёргается вниз. Раз. Другой. Кто-то снаружи агрессивно дёргает запертую дверь.

— Эта кладовка? — доносится приглушённый мужской голос. — Но она закрыта...

Это бьёт по мне кувалдой. Я распахиваю ошалевшие глаза и набираю в лёгкие воздух, чтобы закричать, что мы здесь.

Но Матвей реагирует молниеносно.

Он в один миг вжимает меня спиной в стеллаж, а его жёсткая ладонь намертво зажимает мне рот.

Глава 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.